

ПРОБЛЕМАТИЧНОЕ НАЧАЛО И ДРАМАТИЧЕСКИЙ КОНЕЦ РАЗРАБОТКИ РАКЕТЫ-НОСИТЕЛЯ Н1

Вячеслав Фёдорович Рахманин,

главный специалист ОАО "НПО Энергомаш имени академика В.П. Глушко"

(Продолжение. Начало в № 6 - 2011, 1-5 - 2012)

Выпущенный в одностороннем порядке работниками МОМ технический отчёт по результатам расследования причин аварии при пуске Н1 № 7Л не снял вопросов, связанных с возможностью продолжения лётных испытаний Н1-Л3. Официальное возражение разработчиков двигателей НК-15 подписать отчёт, в котором причиной аварии указан взрыв двигателя, существенно обострил сложившуюся ситуацию. Не вмешивающийся в технические споры о причине аварии Устинов не мог оставаться долго в стороне. Когда тяжба между Мишиным и Кузнецовым переросла из технической сферы в сферу выявления в "именительном падеже" виновника происшедшей аварии, Устинов вынужден был вмешаться. Он поочерёдно и раздельно выслушал каждую сторону и предложил Кузнецову признать причиной аварии взрыв двигателя. Предложение Устинова не имело технической подоплёки, это было политическое решение задачи продолжения работ по РН Н1, т.к. позволяло считать, что с установкой модернизированных двигателей НК-33 на РН Н1 № 8Л причина предыдущей аварии устраняется и работы с комплексом Н1-Л3 могут быть продолжены.

Однако Кузнецов решительно отказался взять на себя чужой, как он считал, "грех": убедительных доказательств в причастности к аварии двигателя, отработавшего в штатном режиме 106 с, приведено не было. А в таком случае уже ракетчики должны были разбираться в работе остальных систем и устранять недоделки. Это была позиция человека, не только устранившего ранее имеющиеся претензии к его работе, но и требующего объективного выявления причины аварии для её исключения при последующих испытаниях РН Н1.

Для разработчиков РН Н1 такая ситуация была неприемлема. Если согласиться с Кузнецовым о непричастности двигателя к аварии и признать разрушение топливной магистрали от гидроудара при выключении шести центральных двигателей или любую другую причину, не связанную с работой двигателей, то требовалось проведение дополнительных работ по выявлению этой причины, разработки мероприятий для её устранения и доработки конструкции ракеты. А это автоматически отодвигало на неопределённое время проведение следующего пятого пуска РН Н1 и свидетельствовало о неотработанности не только двигателей, но и других ракетных систем. И всё это пока что при работе первой ступени. А как будут работать вторая и третья ступени, не говоря о лунном комплексе? Такие перспективы не вызвали оптимизма у Устинова.

(Небольшая ремарка. В книге В.Н. Орлова и М.В. Орловой "Генеральный конструктор Н.Д. Кузнецов и его ОКБ" (изд. "Волга - Дизайн", 2011 г.) приводится информация, что в 1975 г. работники ОКБ Кузнецова случайно узнали о ранее проведённых ракетчиками имитационных испытаниях на модели блока первой ступени ракеты Н1, при которых в момент снятия части нагрузки на магистраль подвода окислителя к двигателям, аналогичной отключению шести центральных двигателей, трубопровод окислителя разрушается. Но результаты этих испытаний ракетчики держали в секрете, настаивая на взрыве двигателя НК-15. И если это действительно было так, то получилась аналогично поговорке: "Маленькая ложь ведёт к большому не-

доверию". В нашем же случае сокрытие фактической причины одной аварии в результате привело к полному краху всего проекта Н1).

Разногласия и технические споры среди разработчиков ракетной техники были обычным делом, но всегда находили компромиссные технические решения, позволяющие продолжать работы. Сейчас же один из основных разработчиков вышел из общего строя. Впервые в процессе проведения лётных испытаний РН Н1 нужно было принимать решение о следующем пуске, не имея окончательно оформленного технического заключения о причинах аварии при предыдущем. А между тем в апреле 1974 г. исполнилось почти 1,5 года после проведения аварийного 4-го пуска и около 10 лет после принятия правительственного Постановления от 03.08.64 г. "О работах по исследованию Луны и освоению космического пространства", давшего старт советской Лунной программы. Тетива напряжённости в сфере отечественной космонавтики натягивалась всё сильнее. И в кого попадёт вылетевшая стрела? Отказ Кузнецова поступиться техническими принципами ради продолжения общего дела и проявление им нежелания на глазах своих сотрудников и ракетно-космической элиты уступить нажиму секретаря ЦК КПСС заставили Устинова по-настоящему насторожиться. Не поймут ли "верные ленинцы" из Политбюро отказ Кузнецова подписать подготовленное заключение как бегство с тонущего корабля? Политическое руководство страны воспринимает участвовавшие провалы в космической отрасли - неудачные полёты к Марсу и Венере, невыполнение космонавтами программы пилотируемых пусков, гибель четырёх космонавтов - как удар по международному авторитету страны, построившей социализм. А за все работы в ракетно-космической отрасли в Политбюро отвечает Устинов. Знающий технократ, понимающий объективные трудности совмещения процессов познания и создания новой наукоёмкой техники, Устинов на протяжении 12 лет (с июля 1962 г., когда Госкомиссия под председательством Келдыша одобрила эскизный проект РН Н1, разработанный под руководством Королёва) лояльно относился к срывам правительственных сроков разработки, понимая необеспеченность выполнения этих сроков имеющимися производственными мощностями и выделяемым финансированием. И во многом благодаря его подписи под проектами правительственных Постановлений сроки начала лётных испытаний РН Н1 несколько раз последовательно переносились с 1965 г. до 1969 г. Жёсткий и властный руководитель, Устинов не допускал стороннего вмешательства в сферу своей деятельности, подчиняясь только вышестоящим инстанциям. Такие люди имеют авторитет, пользуются уважением, но и порождают зависть и неприязнь у близко стоящих на ступенях иерархической лестницы.

В.П. Мишин

Н.Д. Кузнецов

Оценив сложившуюся в его "хозяйстве" ситуацию, Устинов понял, что наступил момент, когда либо он сделает членам Политбюро предложение о дальнейшем развитии космонавтики, либо ему предложат... А предложить могли всё, что угодно, вплоть до перемещения на менее значимую должность в партийно-государственной иерархии.

Опытный аппаратчик - нарком вооружения при Сталине, зампред Совмина при Хрущёве, секретарь ЦК при Брежневе - Устинов понимал, что его предложение о дальнейшем пути развития космонавтики должно основываться на коллективном решении руководящих лиц этой отрасли. И он принял решение провести совещание в составе должностных лиц, авторитетных для членов Политбюро и Президиума Совета Министров, также разделяющих вызревшее у него после длительных раздумий решение прекратить явно затянувшиеся "лунные страдания".

На формирование у Устинова такого решения не могли не оказать влияния объективные факторы: "чёрная" статистика аварийных пусков, критика проекта авторитетными главными конструкторами ракетно-космической отрасли, признание самих разработчиков об изначальном допущенных ошибках в проекте ракеты Н1, отсутствие какого-либо интереса к ракете Н1 со стороны Минобороны, отсутствие в течение 12 лет предложений по использованию РН Н1 для решения других, кроме Лунной программы, конкретных научно-технических и народнохозяйственных задач, потерю интереса к Лунной программе, высказанную Келдышем после посещения американскими астронавтами Луны и её изучения советскими автоматическими аппаратами. И, наконец, самое главное - была утрачена основная политическая цель программы: опередить американцев в высадке человека на лунную поверхность.

В первых числах мая 1974 г. в ЦК КПСС состоялось совещание, в котором приняли участие от ЦК КПСС - Д.Ф. Устинов, И.Д. Сербин, И.В. Илларионов, от АН СССР - М.В. Келдыш, от ВПК - Л.В. Смирнов, Б.А. Комиссаров, А.И. Царёв, министр МАП П.В. Дементьев, министр МОМ С.А. Афанасьев, его заместитель Г.А. Тюлин, директор ЦНИИМаш Ю.А. Мозжорин.

Отметим отсутствие на совещании кого-либо из главных конструкторов ракетно-космической отрасли. Пригласить не участвующих в разработке Н1-Л3 - не логично, а участвующие наверняка будут за продолжение работ - кто же добровольно согласится с прекращением финансирования своей научной или производственной деятельности. Кроме того, главные конструкторы при всей их научно-технической значимости всего лишь исполнители решений, принимаемых собранными Устиновым партийно-государственными деятелями.

Накануне этого совещания, в порядке подготовки к нему, Мозжорин обсудил позицию института с ведущими специалистами, имеющими отношение к разработке РН Н1 и Лунной программе. Приведём воспоминания Мозжорина об этом совещании, изложенные уже ранее упоминавшейся его книге "Так это было": *"Попросил каждого не полемизируя, изложить своё мнение с краткой аргументацией по вопросу: закрывать или продолжать Лунную программу исходя из сложившихся в настоящее время обстоятельств? Большинство склонялось к мнению, что Лунную программу следует закрыть, т.к. научная ценность её уже исчерпана большим количеством полётов американских астронавтов на Луну, полётами отечественных автоматических космических аппаратов с забором грунта Луны и доставкой его на Землю, исследованиями Луны с помощью "луноходов" и её искусственных спутников. А разработку носителя Н1 надо продолжать для его использования при решении других перспективных задач. Я не стал открывать дискуссию, т.к. это совпадало с моим мнением, поблагодарил всех и уехал в ЦК"*.

Совещание состоялось в кабинете Устинова в здании ЦК на Старой площади. Хозяин кабинета сделал краткое вступление. Далее приводится цитата из упомянутой книги Мозжорина: *"Дмитрий Фёдорович отметил, что Лунная программа, по существу, провалена. Из четырёх пусков РН в автоматическом варианте - все аварийные, ещё на этапе работы первой ступени. Причины неудач лежат в ненадёжности двигателя Н.Д. Кузнецова. При использовании многодвигательной установки это приводит к катастрофическим последствиям и делает проблему обеспечения надёжности носителя бесперспективной."*

Поэтому пришла пора честно доложить в Политбюро ЦК КПСС о состоянии дел и войти с предложением о закрытии программы Н1-Л3".

После этого выступления Устинов предложил в обязательном порядке высказаться каждому участнику совещания. Начали с "левого фланга" по должностной иерархии - с директора ЦНИИМаш Мозжорина. Его выступление соответствовало репетиции, проведённой им в институте: Лунную программу закрыть, носитель Н1 оставить для решения перспективных космических задач, тем более, что основной дефект носителя - низкая надёжность двигателей - уже устранена, продолжительность их работы на стенде доведена до трёх ресурсов.

Все последующие выступавшие поддержали предложение Устинова закрыть Лунную программу и прекратить работы по комплексу Н1-Л3 вместе с носителем Н1: Лунная программа ни для политиков, ни для учёных не представляла интереса, а продолжение работ по носителю Н1, не имеющего конкретной задачи для его применения, не имело смысла. Главный удар по предложению Мозжорина нанёс Келдыш. Он повторил ранее сделанное им заявление, что высадка на Луну одного советского космонавта уже потеряла своё политическое значение, а для науки после исследований автоматами Луна интереса не представляет, других же научных или народнохозяйственных задач, для решения которых нужно было бы использовать Н1, никто не выдвигает. Казалось бы, некоторое недоумение могла вызвать поддержка предложения, сделанного Устиновым, министрами Афанасьевым и Дементьевым, т.к. принятие в середине года решения о прекращении изготовления комплекса Н1-Л3 создавало трудности в организации дальнейших работ на многочисленных заводах и в научных организациях в МОМ и МАП. Но на протяжении нескольких лет тема Н1 была для министров головной болью, они по человечески устали от постоянных срывов правительственных сроков выполнения работ, от аварийных исходов лётных испытаний, от вынужденных докладов в ЦК КПСС и на Президиуме Совмина и отстаивать продолжение работ ради сохранения загрузки предприятий вопреки мнению секретаря ЦК, президента АН, председателя ВПК они сочли не лучшим для себя выбором.

Подводя итоги совещания, Устинов отметил почти единодушное мнение выступавших о закрытии Лунной программы и поручил подготовить проект доклада в Политбюро с кратким обоснованием причин принятого на совещании решения.

Характерной чертой этого совещания по опубликованным воспоминаниям его участников или ссылкам на их рассказы было обсуждение только технических вопросов, касающихся целесообразности продолжения работ по комплексу Н1-Л3 и его основе - РН Н1. О возможных кадровых или организационных изменениях и перспективе отечественной космонавтики выступившие на совещании не касались. Эти вопросы не входили в озвученную Устиновым во вступлении тему совещания, да и решались они на более высоком уровне.

Взявший на себя инициативу обратиться в Политбюро с предложением прекратить дальнейшие работы по теме Н1, Устинов по логике был обязан и предложить программу дальнейшего развития отечественной космонавтики. Для этого нужен был, прежде всего, новый лидер космической отрасли, Мишин в этом амплу полностью себя дискредитировал. Из предыдущих частей данной статьи читатель уже знает о негативном отношении к Мишину у авторитетных руководителей ракетно-космических предприятий и организаций. Новым лидером мог стать человек, пользующийся доверием и имеющий авторитет, как в среде главных конструкторов, так и в высших партийно-государственных структурах. Таким был Королёв после запуска первого искусственного спутника Земли и до своей смерти

Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов

на операционном столе в январе 1966 г. Реализация заложенного Королёвым проекта Н1 должна была стать новым триумфом советской космической техники. Однако проявившиеся технические разногласия и накопившиеся личные обиды у Королёва и Глушко стали первым сигналом о распаде бывшего Совета Главных Конструкторов. Наличие "родимого пятна" у проекта Н1 - недостаточная надёжность многодвигательной первой ступени - привело к появлению альтернативного проекта УР-700. Формально унаследовавшему должность главного конструктора ОКБ-1 Мишину роль лидера оказалась не по плечу. Его многочисленные технические ошибки и неприемлемость отношений с участниками разработки Н1 завершили процесс распада творческого единства главных конструкторов.

В этой обстановке простая замена Мишина одним из руководителей имеющихся в СССР ракетных ОКБ - В.Н. Челомеем, В.П. Макеевым или В.Ф. Уткиным - не решала вопроса. Ни один из них, по мнению Устинова, не годился на роль лидера. Нужен был человек, способный внести новую живую струю в отечественную космическую программу. И Устинов в своём выборе нового лидера остановился на кандидатуре Глушко, имеющего не только авторитет в научных кругах и партийно-государственных структурах, но и собственные предложения по формированию новой космической программы, о которой Глушко ему докладывал в частном порядке.

В многочисленных воспоминаниях работников ракетно-космической отрасли Устинова и Глушко называли друзьями, хотя вряд ли их отношения соответствовали общепринятому понятию дружбы. Под дружбой людей обычно подразумевается общение в неформальной обстановке, семейные контакты, общность интересов вне сферы профессиональной деятельности, совместное проведение досуга. По имеющимся сведениям, таких отношений между ними не было. Они познакомились в послевоенные годы в Германии, где нарком вооружения Устинов возглавлял правительственную комиссию по изучению трофейной военной техники, а главный конструктор казанского ОКБ-РД Глушко знакомился с разработками немецких инженеров в области реактивных двигателей. Подводя первые итоги своей деятельности, 31 мая 1946 г. Глушко направил Устинову развёрнутую докладную записку, в которой наряду с констатацией результатов проделанной под его руководством работы изложил концепцию ракетного двигателестроения в СССР.

Вся последующая работа Глушко проходила в отрасли, которой в разных должностях руководил Устинов. В течение этих лет он имел возможность убедиться в целеустремлённости Глушко, его непреклонности в достижении цели, принципиальности в отстаивании своих убеждений, в умении увидеть за частностями главное звено проблемы. За эти деловые качества Устинов ценил Глушко, оказывал ему больше внимания, чем другим главным конструкторам, в какой-то мере покровительствовал ему. Глушко мог напрямую обращаться к Устинову и рассчитывать на его поддержку и помощь. Но это не означало, что Устинов закрывал глаза на ошибки, срывы сроков, недоработки ОКБ Глушко. Спрос был также суров, как и с других главных конструкторов.

Определившись с кандидатурой лидера, Устинов пригласил Глушко для беседы. Подробности этого фрагмента в биографии Глушко мне стали известны от М.И. Яремича, который в годы войны служил в военной контрразведке - "Смерше", а с 1955 по декабрь 1959 г. работал заместителем главного конструктора ОКБ-456 по режиму. После увольнения в запас в звании полковника КГБ он продолжил работу в ОКБ-456 в должности помощника-референта Глушко. В 1974 г. он вместе с Глушко был переведён в НПО "Энергия", а после смерти Глушко в январе 1989 г. вернулся в НПО Энергомаш. Яремич был ближайшим доверенным лицом у Глушко, выполняя его разнообразные поручения, в том числе и личного характера. Свою работу Яремич характеризовал так: *"Я разгружаю Валентина Петровича от выполнения мелких административных дел и житейских забот, которые отвлекают его от основной работы"*. Глушко по характеру был замкнутым человеком, со своими ближайшими сотрудниками держал дистанцию, но, видимо, при этом испытывал необходимость делиться с кем-нибудь некоторыми подробностями своей жизни. И этим кем-то был Яремич, который свято хранил в тайне всю получае-

мую от Глушко информацию. О беседе Устинова с Глушко я узнал от Яремича спустя несколько лет после смерти Глушко.

В ходе беседы Устинов информировал Глушко о проведённом им совещании и о готовящемся по итогам совещания решении прекратить работы по теме Н1, в связи с чем появилась необходимость в разработке новой программы космических исследований, после чего предложил Глушко возглавить это направление работ. Выслушав предложение, Глушко, естественно, положительно воспринял информацию о предстоящих работах взамен темы Н1 и, понимая необходимость быстрого принятия последующих решений, не стал брать время для раздумий. Ведь сколько раз в процессе разработки новой космической программы он продумывал варианты её реализации. И получив такое предложение, сразу же изложил условия, при выполнении которых он будет согласен возглавить головное предприятие по разработке ракетно-космической техники. Это должно быть вновь организованное НПО "Энергия" в составе бывшего ЦКБЭМ с заводом и филиалами и КБ Энергомаш с заводом и филиалами. Новое НПО возглавит в одном лице директор и генеральный конструктор - Глушко. Для Мишина места в новом НПО он не видит. Что же касается новой космической программы, то концепция её им разработана, и он готов обсудить её с руководством и главными конструкторами космической отрасли.

Получив согласие Глушко возглавить реализацию новой космической программы, Устинов не стал согласовывать намеченные им кадровые изменения ни со Смирновым, ни с Афанасьевым, а включил это предложение в текст своего доклада. После этого он обратился с просьбой к Брежневу заслушать на заседании Политбюро его доклад о состоянии дел в космической отрасли. Брежнев не возражал, но решил вынести доклад Устинова не на Политбюро, а на очередное заседание Совета обороны, который он возглавлял, а в состав входили почти все члены Политбюро. В результате обсуждения доклада были приняты решения, изложенные в протоколе № 45/11 - 137/V11 Совета обороны от 17 мая 1974 г. Среди ряда решений, принятых на этом заседании, имеется 3 пункта, интересующих нас:

- работы по теме Н1 прекратить;
- В.П. Мишина освободить от занимаемой должности главного конструктора ЦКБЭМ, а В.П. Глушко назначить главным конструктором ракетного Научно-производственного объединения;
- считать целесообразным генеральному конструктору Н.Д. Кузнецову сосредоточить внимание на разработке новых образцов авиационных ПТД.

Решение одного из высших государственных органов, каковым являлся Совет обороны, не имели прямого действия. Во исполнении таких решений выпускались правительственные Постановления, указы по министерствам и ведомствам и т.д. Так что для фактической реализации принятого решения по кадровому изменению потребовалось ещё несколько дней.

Ход заседаний Политбюро и Совета обороны, обсуждаемые на них вопросы, носили закрытый характер. Но последующая распечатка протокола заседания, составление текстов поручений расширяли круг лиц, ознакомившихся с принятыми решениями, что приводило к преждевременной несанкционированной утечке информации на доверительной, естественно, основе. Так произошло и на этот раз. Одним из первых среди главных конструкторов МОМ об освобождении Мишина и назначении Глушко узнал Пилугин. Он тут же по спецсвязи позвонил Чертоку и посоветовал ему созвониться с Глушко. В ответ на звонок Чертока Глушко пригласил его к себе в Химки.

О ходе этой беседы подробно изложено в четвёртой книге Чертока "Ракеты и люди". Приведём фрагмент из этих воспоминаний: *"Секретарь без задержки пригласила меня в кабинет Глушко. Я впервые посмотрел на Глушко как на моего будущего начальника, а не на уважаемого смежника Королёва. Он показался мне помолодевшим, когда быстро поднялся и вышел навстречу из-за большого письменного стола. Правильные и тонкие черты лица освещала чуть заметная сдержанная улыбка. Вся его стройная фигура в отлично сидевшем на нём костюме и подобранном в тон строгом галстуке излучала доброжелательность и спокойную уверенность"*.

- Я не напрашивался к вам на место Сергея Павловича - сказал

Глушко. Но решению Политбюро мы обязаны подчиняться. Как только выйдет приказ министра, я сразу приеду к вам. Это может произойти даже завтра. Вы - один из ведущих руководителей ОКБ-1. Мы с вами впервые встретились, если не ошибаюсь, 30 лет тому назад. С тех пор было вполне достаточное количество встреч, чтобы доверять друг другу. Я вправе рассчитывать на вашу помощь. Я поставил условие, что ОКБ-1 объединяется с ОКБ-456 и новая организация получит название НПО "Энергия". В ЦК согласились с моими предложениями. Я не намерен размахивать пустыми руками в вашем коллективе, наводить новые порядки. Больше всего сил потребуется затратить на переход к разработке семейства новых тяжёлых носителей вместо Н1.

- Что значит "вместо"? - не выдержал я.

- Это значит, что работы над теперешним вариантом Н1 будут прекращены и мы должны будем быстро создать семейство новых тяжёлых носителей с надёжными двигателями. Я не намерен вносить радикальные изменения в космическую тематику. Вы взяли большие обязательства по орбитальным станциям, космическим кораблям, совместной работе с американским "Аполлоном" - это я буду всячески поддерживать, надеюсь, тут у нас будет полное взаимопонимание. Но высаживать одного человека на Луну через десять лет после американцев, согласитесь, глупо. На Луне должна быть наша постоянная база со сменяемым составом настоящих учёных. Для этого нужны другие носители. Мишина убрали не по моей инициативе, но работать с ним я не буду. Надеюсь, он сам это понимает. Все остальные должны исполнять свой долг со всей ответственностью. Надеюсь, что вы обеспечите работу с Пилюгиным, Рязанским и В.И. Кузнецовым. С каждым из них я уже переговорил.

Всё это Глушко говорил спокойно, твёрдо и уверенно, исключая саму возможность каких-либо сомнений. [...] Я понял, что разговор окончен, поблагодарил за доверие и попрощался. Всё свидание длилось 20 минут".

Так Глушко сделал очередной неординарный шаг в своей биографии. Для многих такое решение стало неожиданным. Люди, доброжелательно относившиеся к Глушко и имеющие представление о настроениях и моральном климате в ЦКБЭМ, не одобряли его переход на новое место работы. Их реакцию на этот поступок можно сформулировать примерно так: "И зачем он полез в этот развороченный улей? Там его сочтут посягающим на место Королёва, кумира для бывших работников ОКБ-1. Оставался бы на своём месте всеми признанным выдающимся двигателем, а теперь на склоне лет, на финише блестящей карьеры смажет все впечатления о себе. С чем уйдёт из жизни, тем и оставит память о себе. Был гигант науки и техники, а уйдёт неудачником...".

Зададимся и мы вопросом: что подвигло Глушко на этот шаг? Для ответа на этот вопрос нужно знать Глушко, его характер - целеустремлённый, амбициозный, постоянно ищущий новых свершений. Это был человек, знающий свои творческие возможности, меру своего таланта. Отказаться и сохранить своё уникальное место в плеяде пионеров ракетостроения? Но отказаться - значит сдаться, значит признать неспособность справиться с делом, на котором Королёв сделал великим своё имя...

Созданию ракетных двигателей Глушко отдал 45 лет жизни, начал он на пустом месте, когда не было ни теории, ни опытных разработок. И создал отечественную школу ракетного двигателестроения, под его руководством разработаны уникальные, непревзойдённые в мире двигатели, он получил практически все имевшиеся в стране степени, звания, награды. Но, видимо, осталось ещё чувство неутолённости творчества, нереализованности всех граней таланта, ощущение неполного раскрытия заложенных природой возможностей идти дальше по бесконечной дороге прогресса. И разве мог он отказаться от представившейся ему исключительной возможности показать всему миру, что он, Глушко, способен успешно возглавить новую космическую программу и создать гигантскую космическую ракету, превышающую технические возможности создаваемой по проекту Королёва ракеты Н1, так и не получившей завершения. Это был вызов всем его недоброжелателям, а в первую очередь самому себе: успешное завершение нового проекта станет для 66-летнего

академика финальным аккордом всей его жизненной симфонии.

После принятия решения на Совете Обороны 21 мая 1974 г. вышло правительственное Постановление об организации НПО "Энергия", а на следующий день - 22 мая - приказ министра МОМ о назначении Глушко директором и Генеральным конструктором этого НПО. Принятое на уровне Совета Обороны решение о назначении Глушко вызвало у Афанасьева некоторую неприязнь к нему. Хотя прямой вины Глушко за такую форму назначения не просматривается, но ни один начальник не любит, когда кадровые изменения в его "хозяйстве" решаются "через его голову", даже не посоветовавшись с ним. Но дело было сделано, и министр подписал приказ о назначении Глушко.

Получив приказ министра, Глушко в тот же день приехал в теперь уже НПО "Энергия". О первом появлении Глушко на новом для него рабочем месте вспоминает один из ведущих работников ЦКБЭМ и НПО "Энергия" В.М. Филин в книге "Путь к "Энергии": "Он тихо прошёл в кабинет, где раньше сидел С.П. Королёв. В приёмной было достаточно много народу и среди них - наш, уже бывший главный конструктор В.П. Мишин. Вызвав секретаршу, Валентин Петрович дал указание больше не пускать его на предприятие. Это было каким-то шокирующим действием.

Собрав руководство, Валентин Петрович сказал: "Я прибыл к вам не с пустыми руками, Нам предстоит большая работа над новым рядом носителей. Это носители среднего, тяжёлого и сверхтяжёлого класса". И далее он начал подробно рассказывать про двигатели для такого ряда, про унификацию типоразмеров, про поэтапную отработку, об основных смежниках и использовании существующего задела". Говоря о перспективных работах НПО "Энергия", Глушко ни одним словом не упомянул о продолжении работ по Н1. Так состоялось вступление в новую для него должность.

А что же Мишин, как сложилась его дальнейшая судьба? Об этом он сам рассказывает А. Локтеву (журнал "Вестник"): "В мае 1974 г. меня пригласил Д.Ф. Устинов, который в ту пору был секретарём ЦК и курировал космос. Он сообщил мне, что есть решение о слиянии нашего ОКБ с другим, близким по профилю, и что главным утвердили академика Глушко. Ещё он сказал, что Леонид Ильич просил передать благодарность за работу и предложил помочь с трудоустройством. От помощи я отказался. К тому времени я 15 лет по совместительству преподавал в МАИ. Работа мне нравилась. Я долго собирался организовать там новую кафедру - "Проектирование ракетных летательных аппаратов", - но времени не хватало. Теперь я мог серьёзно заняться этим делом. В последствие на базе этой кафедры был организован новый факультет".

Сделав это отступление, вернёмся к финалу драматической истории разработки РН Н1.

Находясь на эмоциональном подъёме после беседы с Устиновым и получив неожиданно появившуюся возможность возглавить новое направление развития космической техники, Глушко не стал ждать выхода обещанного правительственного Постановления о прекращении работ по теме Н1. Опытный руководитель разработки крупных тематических проектов, выполняемых в соответствии с принятыми правительственными Постановлениями, Глушко понимал, что для прекращения таких работ в итоговом Постановлении должны быть указаны причины закрытия темы, подсчитаны затраты и принято решение об их списании. Для подготовки такого Постановления потребуется достаточно длительное время, а ждать он не мог, да и не хотел.

Чтобы исключить появившуюся двусмысленность в вопросе с работами по Н1: в первый же день вступления в должность руководителя НПО "Энергия" он дал понять, что работам по Н1 в планах объединения места нет, и в то же время никакого официального документа об их прекращении тоже нет - Глушко решил действовать самостоятельно в рамках своих полномочий директора и генерального конструктора НПО. С этой целью он вызвал главного конструктора Н1 Б.А. Дорофеева и предложил ему подготовить приказ по НПО "Энергия" о прекращении работ по Н1. Дорофеев демонстративно отказался. Тогда Глушко сам составил текст приказа и подписал его. Этим приказом в НПО "Энергия" прекращались все работы по комплексу Н1-ЛЗ и РН Н1. Руководителям соответствующих служб и под-

разделений поручалось организовать работы по консервации монтажно-технологического оборудования на полигоне, отозвать из служебных командировок всех работников НПО "Энергия", выполняющих работы по теме Н1, а также в 2-х месячный срок подготовить предложения о прекращении договорных работ, о списании затрат по теме Н1 и о корректировке плана на второе полугодие 1974 г.

Смысловое содержание этого приказа - прекратить работы по Н1 или, как утверждают в своих статьях некоторые наиболее негативно настроенные к Глушко авторы, вообще закрыть тему Н1, в мемуарной литературе приводится, в основном, правильно. Однако есть разночтение в информации о дате выпуска этого приказа. Некоторые авторы, не приводя даты, определяют этот документ, как "первый же приказ Глушко в новой должности". Черток в книге "Ракеты и люди. Лунная гонка" указывает дату до выхода приказа 24 июня 1974 г., т.е. через месяц после вступления Глушко в новую должность. Эта же дата приводится и в юбилейной книге "Ракетно-космическая корпорация "Энергия" имени С.П. Королёва. 1946 - 1996 гг.". На самом деле этот приказ за № 54 был подписан Глушко 5 июня 1974 г., он полностью опубликован в сборнике "Избранные работы академика В.П. Глушко" часть третья, издание ОАО "НПО Энергомаш", 2008 г. Это был действительно первый приказ Глушко в должности руководителя НПО "Энергия".

Отказ Дорофеева подготовить приказ был практически единственным открытым демаршем, прямым неповиновением новому генеральному конструктору. Остальной руководящий состав, как отмечает Б.Е. Черток в своих воспоминаниях, не сговариваясь, решил не оппозиционировать Глушко, а помогать ему в развёртывании новой космической программы. И эта помощь была нужна, т.к. первое же устное заявление Глушко о предстоящих новых работах и упоминание о продолжении работ по Н1 вызвал у большинства работников теперь уже бывшего ЦКБЭМ чувство неприязни к Глушко и скептицизм к изложенной им перспективе. Это стало предметом обсуждения в курилках, конструкторских залах, рабочих кабинетах. Негативное отношение Глушко к Н1 многими расценивалось как его личная инициатива и высказывались надежды, что вмешаются Афанасьев и Келдыш, подключат Устинова и тот поправит зарвавшегося "варяга".

В среде рядовых работников-варягов ОКБ-1 высказывалась уверенность: "был бы жив С.П., всё было бы по-другому!" (С.П. - распространённое в ракетно-космической отрасли именование руководителей предприятий по инициалам, в данном случае - Сергея Павловича Королёва). Эта уверенность основывалась на ностальгической вере в выдающиеся способности и организаторские возможности своего кумира. Но понятие "вера" - из области чувств, мы же должны оперировать объективными фактами. Что мог изменить Королёв в создавшейся ситуации после 4-х аварийных пусков? Все технические решения, приведшие к авариям, были заложены в конструкцию ракеты и методике отработки её работоспособности при его жизни и, соответственно, с его участием. Государственная экспертная комиссия под председательством Келдыша по проблемам создания и перспективам использования комплекса Н1-Л3 пришла к выводу, что дальнейшая отработка Н1 возможна только в случае коренной переделки ракеты с соответствующими затратами средств и времени. Это была объективная оценка технического состояния комплекса Н1-Л3. Какой же выход из сложившейся ситуации был бы у Королёва? Хватило бы у него мужества, проглотив горькую пилюлю американского лунного успеха, на полную остановку рабо-

ты по проекту, автором которого он был, признать несостоятельность ряда технических и методических решений и убедить руководство страны разрешить ему пойти по новому пути? И каков бы был этот новый путь? У меня нет ответа на поставленные вопросы, пусть это сделает для себя сам читатель.

Появление приказа вызвало волну непонимания не только в НПО "Энергия", но и в ракетно-космическом сообществе, причастном к разработке Лунной программы. Что это, самоуправство или указание свыше? Не внесли ясности и обычно знающие всё наперёд аппаратчики ЦК и ВПК. Они сами терялись в догадках и выражали возмущение: как посмел Глушко подписать такой приказ до выхода Постановления или, по крайней мере, решения ВПК? Работники среднего звена министерства общего машиностроения отказывались верить в появление такого приказа до доставки его в министерство.

Наибольшее возмущение приказ Глушко вызвал среди работников промышленности и на испытательном полигоне. Руководители многих предприятий и организаций за последние несколько лет настолько сроднились с работой по теме Н1, что она стала для них основным содержанием жизни. В рабочих коллективах царил энтузиазм и чувство сопричастности к великому делу освоения космического пространства. На предприятиях был создан достаточно большой задел материальной части для комплектования очередных РН Н1. Все жили в ожидании свершения очередного успеха отечественной космонавтики. И вдруг такой поворот! Разумеется, выпущенным приказом Глушко остановил работы по Н1 только в своём НПО "Энергия", но прекращение работ на головном предприятии практически делает ненужным продолжение работ по этой теме на всех других предприятиях. Отсюда возмущения руководителей предприятий и обвинение Глушко в бонапартизме и самоуправстве. Были и письменные протесты против принятого Глушко решения. Так, партком 6-го научно-испытательного Управления полигона от имени военных испытателей направил письмо в адрес президиума XXV съезда КПСС с требованием продолжать пуски комплекса Н1-Л3. Так что, выпустив приказ, Глушко вызвал на себя огонь из всех калибров.

А разве могло быть иначе? Глушко, если и не знал о записи в протоколе Совета обороны от 17 мая 1974 г. о прекращении работ по Н1, то все же имел твёрдое заверение секретаря ЦК КПСС Устинова о принятии такого решения в ближайшее время. Разговор был приватным, и Глушко не имел права сослаться на это обещание до его реализации выпуском Постановления. А выхода Постановления в ближайшее время Глушко не ожидал. И он решил действовать самостоятельно. Чем же он руководствовался? Назначение Глушко было вызвано не просто заменой не справившегося с порученной работой бывшего главного конструктора Мишина с целью исправления сложившегося положения дел, а сменой направления работ в отечественной космонавтике. Глушко был назначен правительственным Постановлением одновременно с организацией нового мощнейшего в ракетно-космической отрасли предприятия - НПО "Энергия". Для решения новых задач в состав НПО "Энергия" было включено двигательное КБЭМ, не принимавшее участие в работах по теме Н1. И было бы странным, если бы Глушко в новой должности директора и генерального конструктора вновь организованного НПО продолжал работы по тематике, признанной на высшем государственном уровне бесперспективной. И не виной Глушко, а скорее его бедой стала назревшая необходимость в выпуске приказа по НПО, не дожидаясь выхода соответствующего Постановления. Не реагируя, во всяком случае внешне, на негативное отношение к предложенной им космической программе Глушко продолжал целенаправленно работать. Изучив перечень проводимых в ЦКБЭМ работ и расстановку руководящих кадров, он разработал новую структурную схему управления НПО "Энергия" с учётом выполнения работ по новой тематике. Новая схема содержала прогрессивные решения: вместо многочисленных главных конструкторов по каждому разрабатываемому в ЦКБЭМ изделию назначались главные конструкторы по тематическому направлению с широкими функциональными обязанностями и одновременным требованием обеспечивать развитие всего направления. Был пересмотрен и кадровый состав руководителей направлений. И ещё одна особенность новой схемы - в структурной схеме

С.А. Афанасьев, В.П. Глушко, М.В. Келдыш

объединения отсутствовало направление работ по Н1. Несогласные с проводимой Глушко технической политикой надеялись, что министр Афанасьев такую схему не утвердит. Надежды не оправдались - 28 июня 1974 г. министр схему утвердил. Это стало убедительным подтверждением, что он разделяет позицию Глушко по отношению к работам по Н1. После этого уровень возмущения по поводу прекращения работ по Н1 в НПО несколько снизился, но внутреннее недовольство у людей всё-таки осталось.

Однако круг возмущавшихся не ограничивался только коллективом бывшего ЦКБЭМ. Как указано выше, по поводу выпущенного Глушко приказа резко высказывались директора заводов и ряд главных конструкторов ракетно-космической отрасли. Устинов был, разумеется, информирован о реакции в отрасли к позиции, занятой Глушко к работам по Н1. И, вероятно, решил оказать ему морально-техническую помощь, тем более, что за ним был "должок" - никакого правительственного решения о прекращении работ по Н1, выпуск которого в ближайшее время обещал Устинов, всё ещё не было. Это ли стало причиной назначения Устиновым на 13 августа 1974 г. совещания в НПО "Энергия" в составе представителей от ЦК КПСС, ВПК, МОМ и ряда главных конструкторов космической техники, сейчас установить не представляется возможным. Но нужно констатировать: дата проведения такого совещания выбрана Устиновым настолько вовремя, что вряд ли это можно отнести к случайному совпадению происходящих событий. Не кажется случайным и сделанное Устиновым перед началом совещания вступление, из которого участники должны были понять, что он связывает дальнейшее развитие отечественной космонавтики с программой, предложенной Глушко.

На совещании шёл разговор по всему диапазону тематических работ, как унаследованных от ЦКБЭМ, так и вновь предложенных Глушко. Поскольку в рамках данной статьи нас интересуют только отношения выступавших к работам по Н1 и новой программе, то далее приводятся фрагменты выступлений только по этим вопросам. В качестве исходного материала используются воспоминания Б.Е. Чертока, опубликованные в книге "Ракеты и люди. Лунная гонка".

В совещании, проводимом Д.Ф. Устиновым в НПО "Энергия" участвовали: от ЦК КПСС - зав. отделом оборонной техники И.Д. Сербин и его зам Б.А. Строганов, от ВПК - зам. председателя Б.А. Комиссаров, от МОМ - министр С.А. Афанасьев и его заместители Г.А. Тюлин и В.Я. Литвинов, главные конструкторы: В.П. Бармин, Н.А. Пилюгин, М.С. Рязанский, В.И. Кузнецов, В.П. Радовский. НПО "Энергия" представляли В.П. Глушко и несколько его заместителей.

Совещание открыл Д.Ф. Устинов: *"На днях на Политбюро был серьёзный разговор о наших космических проблемах. Политбюро поставило задачу дать объективную оценку тому, что мы не осуществили высадку советских космонавтов на Луну. Сегодня хотелось бы поговорить, посоветоваться по всему комплексу задач. Он у нас очень широк. Как организовать работу так, чтобы не растягивать её на десятилетия, не передавать эту работу нашим внукам. Пусть они пойдут много дальше нас. Нам самим решать, что мы в ближайшие годы будем делать. Как подойти к решению генеральной задачи? Можно её решать так, что через десять лет вы опять скажете, что с Луной не получается. Если мы так будем вести дело, как вы это делаете по Н1, упорствуя в стремлении пускать вопреки надёжности, вот вам результат. Вы, именно вы, создатели новых космических систем, должны разработать генеральную линию и жесточайшим образом её прiderживать. Предлагаю послушать Валентина Петровича"*.

Глушко сделал длинный доклад. Он говорил больше двух часов, подробно излагая свою доктрину на ближайшие годы.

Основным предложением Глушко было создание последовательного ряда тяжёлых и сверхтяжёлых ракет-носителей из унифицированных блоков. *Всем ракетам-носителям присваивался индекс РЛА - ракетный летательный аппарат*". Далее Глушко подробно изложил технические характеристики семейства РЛА и сферу их применения.

Отвечая на вопросы по облику двигательных установок семейства РЛА, Глушко особо подчеркнул: *"Прошу обратить внимание на принципиальное отличие предлагаемой компоновки от Н1. Мы предлагаем блочный принцип. Ракеты отличаются друг от друга количеством идентичных блоков на первой, а при необходимости и второй ступени"*.

Решающим преимуществом блочного принципа является возможность изготовления каждого блока на заводе и его транспортировка в собранном виде на полигон. В составе самой лёгкой одноблочной ракеты мы можем провести лётную отработку двигателей и этот бесценный опыт использовать для многоблочных ракетных комплексов без риска уничтожения стартовой позиции. Каждый блок должен предварительно пройти огневые технологические испытания".

После перерыва совещание продолжилось с очень агрессивного выступления Бармина.

"Предложения Валентина Петровича, которые мы сегодня слушали - это третий вариант за последние два месяца. Валентин Петрович всё дальше уходит от реальностей нашего века и тянет нас в двадцать первый. Нет анализа наших прежних ошибок. Более того, ошибки повторяются. Многоблочные схемы носителей невыгодны. Выбор, который нам предлагает Валентин Петрович, ошибочен. Нужно подвергнуть Н1 серьёзной модернизации, вместо того, чтобы изобретать велосипед. Мы уже затратили 4 миллиарда рублей на Н1. Мы обязаны их использовать".

Базу на Луне надо строить. Для этого строительства необходима многоазовая космическая транспортная система на базе модернизированной Н1. Модернизированный носитель может через год полететь и для него надо срочно готовить полётную нагрузку. А то, что предлагает Валентин Петрович, отбросит нас по лунной программе ещё на шесть-семь лет".

Созвучно с выступлением Бармина высказался Пилюгин: *"Предлагаемый нам сегодня переход на целое семейство новых по схеме носителей потребует вначале свернуть текущее производство, выбрать задел, потом проектировать и отработать, снова налаживать производство уже по новой технологии. Раньше 1979 г. никакой РЛА ни в каком варианте не получится. Пять-шесть лет мы теряем"*.

После Пилюгина взял слово Рязанский.

"Я в корне не согласен с тем, что сказал Бармин. Мы много успели сделать для Луны. Для программ созданы радиокомплексы, которые мы можем доработать под любую программу. Надо быстрее создавать полноценный Центр управления полётами".

После выступления главных конструкторов дошла очередь и до заместителей генерального конструктора НПО "Энергия". Семёнов, Черток, Бушуев, Труфанов осветили частные вопросы по возглавляемым ими тематическим направлениям. Не остались в стороне от обсуждения и присутствующие на совещании "тяжеловесы" - Афанасьев, Комиссаров, Сербин.

Из многочисленных вопросов, затронутых в своём выступлении Афанасьевым, следует отметить следующие: *"Трудно сегодня дать весомую оценку этих материалов. Я вынужден сделать упрёк головным институтам министерства ЦНИИМашу и НИИТП. Они почему-то заняли выжидательную позицию. Они обязаны немедленно подключиться к этим исследованиям свои основные подразделения. Глупо было бы думать о том, что всё здесь сказанное генеральным конструктором может быть сделано одним его коллективом, в котором 40 000 человек"*.

Советский человек на Луне не был. Это вина ОКБ-1 и наша общая вина. Лунная база - это, по-моему, не первоочередная задача. Её надо перевести в НИР".

Вся перспективная программа с учётом наших замечаний должна быть переработана, и только тогда её можно выносить на Совет главных".

Комиссаров выступил как заместитель председателя ВПК.

"Программа не согласована ни с генеральным заказчиком - Министерством обороны, ни с Академией наук. Опозорились, прямо надо сказать, с Н1, теперь предлагаете новую авантюру. В плане модернизации лунных проектов предлагалась стыковка с помощью двух носителей Н1 на орбите. Теперь генеральный конструктор предлагает эту стыковку проделать на земле и создать новый носитель стартовой массой в 6000 тонн, то есть это два Н1. Одобрить такой проект будет ошибкой".

Слово взял Иван Сербин.

"Обсуждение показало, что проработка программы находится не на том уровне, когда можно принимать решение. Времени у нас"

мало. Совет главных конструкторов собирать пока не следует. Надо чтобы были сравнительные данные по затратам на каждое направление, а не одна устрашающая сумма. Такой крупный план должен быть тщательно проработан со смежниками. Без них вы ничего не сделаете. А им тоже свои экспериментальные базы надо развивать".

Устинов предложил Глушко ответить на основные критические замечания.

Глушко встрепенулся, и я увидел в нём не спокойного докладчика, а собранного бойца на ринге, который после нокдауна снова перешёл в решительную атаку".

Далее - основные выдержки из заключительного выступления Глушко: "Мы докладывали сегодня незавершённую программу. Вы присутствуете в процессе поиска. Мы знакомили вас с тем состоянием, в котором находимся. Со смежниками и соискателями мы в постоянном контакте.

Теперь о выступлении Бармина, который так яростно защищал Н1, а из новых работ предложил ограничиться многокоробовой системой. Я утверждаю что Н1 возит воздух. Сравните его весовые характеристики с "Сатурном-5". Сухой вес единицы объёма первой ступени Н1 в два с половиной раза хуже "Сатурна-5", второй ступени хуже в пять раз и третьей - в три с половиной раза. Это при почти равных объёмах самих ступеней. Я не хотел упоминать об ошибках, которые допущены в газодинамике. Да будет вам известно, что только за счёт перепада давления под днищем первой ступени мы теряем более 750 тонн. Чтобы компенсировать такую потерю, надо бы ещё пять двигателей поставить. Ты что хочешь, Владимир Павлович, чтобы ещё раз твой старт разрушили? Давайте лучше будем на него молиться, как тут сегодня предложили. Так нужен ли нам носитель, который возит воздух, да ещё на годных двигателях?"

Я сожалею, что не всем понятна идея сверхтяжёлой ракеты-носителя. Мы такой носитель не делаем, он сам получается, мы его складываем из модулей, которые уже были отработаны на более лёгких ракетах. Шесть модулей составляют первую ступень. Вторая ступень - один кислородно-водородный блок, унифицированный для всего семейства носителей. Это и есть унификация и модульность, о которой сегодня так горячо говорилось. И от водорода мы не отрешиваемся. Но пока его нет, будем пользоваться циклином. Да, создание таких носителей будет стоить больших денег. Но на унификации мы много выигрываем.

Работы действительно нам и смежникам выше головы. Но другого пути обогнать американцев я не вижу. Мы имеем возможности, которые пока не раскрыли и не использовали. Вы застали нас в самый разгар оптимизации программы".

Устинов, воспользовавшись паузой, решил, что пора свернуть затянувшееся совещание.

"Спасибо, Валентин Петрович! Я очень доволен, что сегодня мы собрались в таком составе и немного просветили друг друга. Вы не успели, да и не могли всё сказать. Я тоже не могу окончательно высказать всё. Много нового, и о многом следует серьёзно подумать.

На вашу организацию делается большая ставка. Очень большая. Мы сознательно пошли на создание такого мощного объединения и во главе поставили многоопытного, как говорят, прошедшего огонь, воды и медные трубы, руководителя. В непосредственном подчинении вашего генерального конструктора, тут докладывали, уже находится 40 тысяч человек. А с непосредственными смежниками численность переваливает за 250 тысяч. Это же огромная сила! Вы способны разработать эффективную, реалисти-

ческую программу. Разбейте её по срокам на этапы. Не всё сразу получится, это мы понимаем.

Я думаю, что сегодняшний разговор был для всех полезным. Надо найти общую линию с Минобороны и Академией наук. В ближайшие дни надо определить группу товарищей, способных подготовить детальный проект Постановления. Они должны быть очень объективны. Постановление будет определять нашу стратегическую линию. К этой работе надо подходить с чувством большого долга, партийного и государственного".

Хотя по итогам проведённого "судьбоносного" (по оценке Чертока в его книге) совещания не было принято никаких решений, из выступлений Устинова и сопровождавших его партийно-государственных руководителей участники совещания уяснили, что возврата к работам по Н1 не будет. Это сняло накал негативного отношения к новой космической программе и её автору - Глушко. После совещания руководящему составу НПО "Энергия" предстояло объяс-

ниться со своими смежниками. Для участвующих в совещании В.П. Бармина, Н.А. Пилюгина, В.И. Кузнецова, М.С. Рязанского ситуация была ясна и с ними нужно было провести переговоры только об их участии в разработке новых проектов. Иначе, по мнению Чертока, обстояло дело в общении с ОКБ Н.Д. Кузнецова. "Труднее всего было двигателям. Мельников, Соколов, Райков должны были внятно объяснить Николаю Кузнецову, его заместителям, с которыми за эти годы не только до хрипоты спорили, но уже и сработались, почему прекращаются работы по двигателям по Н1. В самых тяжких ситуациях никому из них и не снилось, что теперь дело дойдёт до прекращения работ и полного разрыва. А почему? Они могли только ответить, что таков приказ Глушко, назначенного генеральным конструктором. Никаких приказов министра, тем более постановлений правительства о прекращении работ по двигателям Кузнецова для Н1, пока не существовало".

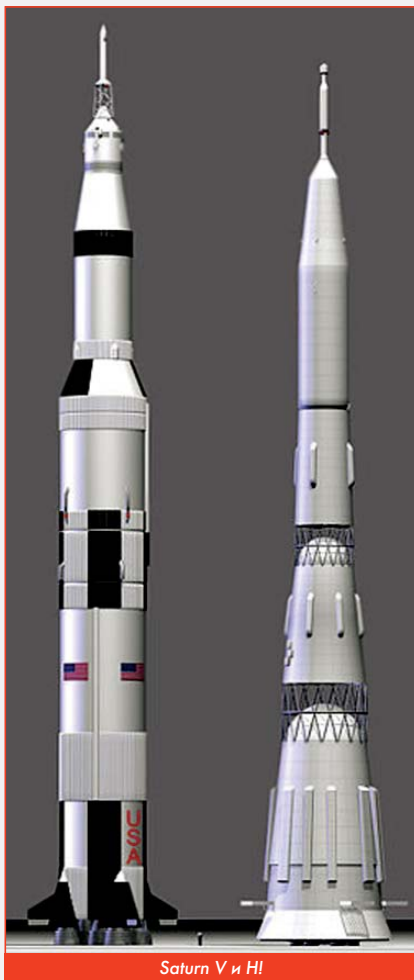
Всё вроде бы логично в приведённой цитате из уже упомянутой книги "Ракеты и люди. Лунная гонка". У других авторов мемуаров развитие событий излагается в таком же ключе. И у меня не было бы никаких сомнений в их объективности, если бы не обнаружил в книге В.Н. Орлова и М.В. Орловой "Генеральный конструктор Н.Д. Кузнецов и его ОКБ" несколько иную версию о факте информированности разработчиков двигателей о прекращении работ по Н1.

"В пятницу 17 мая 1974 г. в десятом часу вечера я (В.Н. Орлов) был в кабинете у Николая Дмитриевича. Раздался звонок по ВЧ-связи, звонил министр П.В. Дементьев. После разговора с ним Николай Дмитриевич стал каким-то смущённым и расстроенным, я таким его никогда не видел. Обращаясь ко мне, он сказал: "В понедельник утром мы с тобой полетим к Дементьеву. Он мне сейчас сказал, что работа по Н1 закрыта и просит в понедельник утром быть у него. В чём дело он не знает, и сейчас будет выяснять. Никому ничего не говори, в понедельник всё выяснится".

В понедельник Дементьев сообщил нам, что 17 мая 1974 г. в 8 часов вечера прибывший фельдьегер показал ему протокол Совета Оборона, где первым пунктом было записано - работы по ракетному комплексу Н1 прекратить".

Этот и последующие пункты протокола уже приведены в этой статье.

Далее по тексту указанной книги: "Так была закончена активная часть работы нашего ОКБ-2. По устному указанию министра авиационной промышленности СССР П.В. Дементьева в июне 1974 г. мы приступили к расформированию этого КБ".

А ситуация, приведённая в книге Чертока, отнесена им ко времени после совещания 13 августа 1974 г. Получается так, что Н.Д. Кузнецов и сотрудники его ОКБ узнали о принятом решении прекратить работы по Н1 раньше, чем это стало известно работникам НПО "Энергия". Так о каких тогда трудностях в разговоре с двигателями писал Черток? На лицо противоречия в свидетельствах Чертока и Орлова, кому же верить? Я склонен доверять Орлову, его информация подтверждается документами о начале расформирования ОКБ-2 в июне 1974 г.

Если о решении Совета обороны прекратить работы по Н1 знали Дементьев, Кузнецов, Орлов уже в середине мая 1974 г, а в июне узнали и работники ОКБ Кузнецова, то тогда не могли не знать об этом Бармин, Пилюгин и другие главные конструкторы. Какова же тогда причина их возмущений и почему в адрес Глушко? Поскольку с главными участниками создания РН Н1 вопрос прекращения дальнейших работ не обсуждался на совещании у Устинова в начале мая 1974 года, а о принятом решении их официально не информировали, то свою обиду и несогласие с принятием без их участия решением они реализовали в форме возмущения. А в открытую критиковать секретаря ЦК КПСС и решение Совета обороны никто не решался, вот и вымещали свои обиды на Глушко, который представил им такую возможность выпуском приказа о прекращении работ по Н1.

Долгожданное Постановление, официально прекращающее работы по теме Н1, вышло в феврале 1976 г. Его выпуску предшествовали работы специально организованных комиссий под общим руководством Президента АН СССР М.В. Келдыша. Рассматривая технический аспект разработки темы Н1, комиссия отметила крупные недостатки технического и методического характера - использование принципов и методов проектирования и отработки, непригодных для крупных и сложных комплексов: нерациональная конструкция и компоновка ряда агрегатов, малые запасы работоспособности ракетных систем, а первую очередь двигателей, перенос основного объёма отработки ракетных систем на этап лётных испытаний и др. За время проектирования, изготовления и лётной отработки ракеты Н1 её конструкция морально устарела и не способна обеспечить выполнение перспективных задач, стоящих перед отечественной космонавтикой. В экономической сфере комиссии определили материальные и финансовые затраты на разработку и изготовление РН Н1 и лунного комплекса, наземного стартового и измерительного комплексов, а также затраты на проведение сопутствующих работ по теме Н1. По разным источникам сумма списанных затрат составила от 5,5 до 6,0 млрд рублей в ценах 1973 г. Официальной причиной закрытия темы Н1 в Постановлении указано *"отсутствие тяжёлых полезных нагрузок, соответствующих грузоподъёмности носителя"*. В работе одной из комиссий принимал участие бывший главный конструктор В.П. Мишин, его подпись стоит под предложением комиссии тему закрыть, затраты списать.

В некоторых мемуарах ссылка на указанную в Постановлении причину сопровождается ироническими комментариями или даётся прозрачный намёк, что не в этом дело. Но ведь это действительно так было! С 1962 г. по 1974 г. не поступило ни одного предложения кроме Лунной программы, да и та была больше политическим актом в сфере научно-технического противостояния с США.

После выхода Постановления ситуация с прекращением работ по теме Н1 из де-факто перекалифицировалась в де-юре. В итоге получилось так, что до выхода этого Постановления работы по теме Н1 с июня 1974 г. по февраль 1976 г. не проводились на основании выпущенного Глушко приказа № 54, т.е. под его персональную ответственность. Почему так долго не выпускалось Постановление, сейчас узнать практически не у кого. Остаётся только догадываться. По моему представлению руководство космической отрасли намеренно не спешило с выпуском Постановления, т.к. закрывая незавершённую тему, ранее объявленную самой престижной в отечественной космонавтике, требовалось назвать причину и виновных в невыполнении порученной работы, а также объяснить, почему в течение пяти лет, с середины 1969 г. (после высадки американских астронавтов на Луну) до первой половины 1974 г. большое количество

предприятий и организаций СССР работало практически впустую, главная-то политическая цель - опередить американцев в высадке на Луну - была уже утрачена.

Вал возмущений, вызванный приказом Глушко, подтвердил имеющиеся у руководства отрасли опасения не только попасть под критику членов Политбюро, но и потерять авторитет у многочисленных участников работ по теме Н1. Глушко оказался своего рода мишенью для метания стрел возмущения и одновременно громоотводом для руководителей космической отрасли. Думал ли он о такой роли, когда соглашался на предложение Устинова? Думается, вряд ли, но надо отдать ему должное - он уверенно держал удар общественного возмущения. Если мнение рядовых работников его мало интересовало, то не замечать возмущения руководителей предприятий, с которыми он контактировал многие годы и надеялся продолжить рабочие контакты, он не мог. Однако в обращении с ними он держался уверенно. Твёрдость занимаемой им позиции и уверенность в правоте своих действий основывались на поддержке высшего руководства, в частности, Устинова. Так, при выборах в партком НПО "Энергия", состоявшихся вскоре после организации этого объединения, Глушко прошёл большинством в один-два голоса. Это был действительно критический момент. В противном случае по существующим в ту пору неписанным правилам он мог лишиться должности руководителя НПО, как не пользующийся доверием партийной организации. А спустя несколько месяцев Глушко был избран в состав ЦК КПСС. По мнению современников, к этому выдвижению приложил руку Устинов.

В изложении реакции на выпуск приказа о прекращении работ по Н1 указывается на многочисленные возмущения. В связи с этим следует сказать, что все возмущения носили эмоциональный характер и не имели материальной основы, так как прекращение работ по Н1 не вызвало безработицу. Промышленные предприятия и научные организации продолжали работать. Имеющиеся заделы материальной части были списаны, начатые диссертации были завершены и успешно защищены, кроме Мишина ни один из руководителей предприятий не был освобождён от занимаемой должности. Отрасль продолжала жить и успешно работать. Вот только у участников работ по Н1 остался неприятный осадок, главным образом от того, что властные структуры проявили недоверие к политической сознательности разработчиков ракетно-космической техники.

Поскольку Постановление о закрытии темы Н1 имело высокий гриф секретности и в связи с этим ограниченную доступность, а указы по министерствам и ведомствам доводили до сведения руководящего состава предприятий и организаций только принятое решение о прекращении работ и о списании затрат без объяснения причин, то большинство участников работ по теме Н1 так и оставалось в неведении о причинах принятого решения. По воспоминаниям Чертока эту ситуацию Бармин охарактеризовал так: *"Мишин эту грандиозную работу с нашей общей помощью провалил. Народу нашему так никто и не объяснил, почему советские космонавты не были на Луне. За рубежом отлично знают, что мы готовили огромную ракету. Там открыто писали о наших авариях. Это только нашим людям истину знать не положено"*.

Вслед за выходом Постановления о закрытии темы Н1, словно подчёркивая смену направления работ по ракетно-космической тематике, вышли правительственные Постановления от 17 февраля 1976 г.: "О создании МКС в составе разгонной ступени, орбитального самолёта, межорбитального буксира - корабля, комплекса управления системой, стартово-посадочного и ремонтно-восстановительного комплексов и других наземных средств, обеспечивающих выведение на северо-восточные орбиты высотой 200 км полезных грузов массой до 20 т". С выходом Постановления, все ранее проводимые работы в этом направлении в инициативном порядке или по министерским тематическим карточкам, теперь были "узаконены" и эта тематика стала для НПО "Энергия" основной на долгие годы. Одновременно с началом новых работ это Постановление окончательно поставило жирный крест не только на программе Н1-ЛЗ, но и новых предложениях Глушко по созданию на Луне долговременной обитаемой базы. □

(Продолжение следует.)